

Алексей
МАКЕЕВ

Подземная
БРАТВА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Алексей Макеев

Подземная братва

«Научная книга»

2012

Макеев А. В.

Подземная братва / А. В. Макеев — «Научная книга»,
2012 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-699-57311-0

Владелец частного сыскного агентства Константин Максимов выполнял частный заказ по поиску пропавшего юноши. Расследование привело Константина в недра подземных коммуникаций. Но, попав туда, сыщик с ужасом обнаружил, что подземный лабиринт – еще и кладбище. Причем кладбище хорошо охраняемое...

ISBN 978-5-699-57311-0

© Макеев А. В., 2012
© Научная книга, 2012

Алексей Викторович Макеев

Подземная братва

*Чтобы добраться до источника, приходится все время плыть
против течения.*

Станислав Ежи Лец

31 октября, воскресенье

Вечер выходного дня омрачился неприятным визитом. Предваряя это событие, сначала упала вилка, которой Максимов «пробовал на прочность» сочиненный Маринкой омлет с креветками, потом заклинило замок на двери в ванную, из-за чего пришлось ворошить замшелый инструментарий и вспоминать уроки труда в старших классах, а после двери «приказало долго жить» водобачковое приспособление в туалете, установленное «на века» вчерашним сантехником за 50 у.е. вознаграждения. Оставалось погрузиться в меланхолию, удалив из головы предстоящую трудовую неделю – благо черный кофе, сладкие сигариллы «Captain Black» и мрачноватый «Видок» с Жераром Депардье хорошо тому способствовали. Резкий звонок в прихожей нанес удар по хрупкому душевному равновесию. Не донеся до рта дрогнувший в руке бокал, Максимов свирепо рявкнул:

– Дочь!

Страшно не хотелось вставать и куда-то идти. Теоретически это мог оказаться один из ее многочисленных поклонников. Время от времени эти хулиганы пересекались в пространстве и лупили друг дружку, явно лстя потенциальному тестю. Маринка по итогам года пересчитывала разбитые носы, выставленные зубы, погружалась в задумчивость, и после этого самые устойчивые поклонники удостаивались ее бледного снисхождения. Ситуация пока не тревожила – в силу отсутствия на горизонте прекрасного принца.

Звонок опять брякнул.

– Маринка! – гаркнул Максимов.

Наконец из своей комнаты показалось дитя, упакованное в наушники. Халатик в горошек, глазки отсутствующие, ножка притоптывает – явно не «Полуночная месса» Шарпантье в эфире.

– Не мое ли имя прозвучало, пап? – крикнула Маринка.

– Открой! – Максимов ткнул пальцем в приоткрытую дверь, откуда отчетливо просматривалась входная. Было видно, как Маринка, зажав в кулачке крошечный плеер, приближается к двери, смотрит в глазок, после чего делает страшные глаза и на цыпочках снова удаляется в детскую. Мол, дерзай самостоятельно, папа. «Не жених», – тоскливо подумал Максимов, отрываясь от дивана.

Из троих предельно замороженных господ, обретающихся на площадке, он знал лишь одного – Шевелева, получившего в прошлом месяце новую должность в отделе по борьбе с оргпреступностью. Остальных видел впервые, однако место трудоустройства данных господ читалось на их угрюмых лицах, как на белой бумаге. Занятный тройственный союз. И выходной им не в тягость.

– Вот она, глыба, достойная коленопреклонения, – мрачно возвестил Шевелев, – знаменитый сыщик всех времен и народов. Папа Браун, Даша Васильева и Виола Тараканова тихо отдыхают.

– Гм... – пробурчал Максимов. – Что касается тихого отдыха...

– Мы нарушили черное мизантропическое одиночество, понимаю, – кивнул Шевелев. – А вон та очаровательная девушка в наушниках и с любопытной мордашкой, что мелькнула в дальнем проеме...

– Дочь, – не дал ему договорить Максимов.

– Ага, – усмехнулся Шевелев, – она не может нарушить твоё черное мизантропическое одиночество... Извини, Константин, что мы, как диарея, застали тебя врасплох. Можно войти, не возражаешь? И в прихожей товарищи предъявят тебе удостоверения...

– Коллеги из ФСБ, – сразу догадался Максимов. Не самые подходящие для выходного гости. – Проходите, господа. Милости просим на кухню.

– У тебя невероятно развита наблюдательность, – похвалил Шевелев. – Порой мне страшно за твоё будущее, Константин.

И все же господа предъявили в развернутом виде документы, удостоверяющие их личности. Согласно последним господин повыше оказался капитаном Филатовым, господин пониже и поплотнее – капитаном Силантьевым. Первый был брюнетом, второй – блондином. Первый изъяснялся сжато, лаконично, имея привычку не спускать с собеседника сверлящих глаз, второй не гнушался мелких шуточек, успевая между делом пробежаться взглядом не только по визави, но и по уютному домашнему интерьеру, включающему рыбок в аквариуме и редкие выглядывания длинноногой «девушки с наушниками».

На предложение выпить чаю господа ответили вежливым отказом – в отличие от Шевелева, который выдул три чашки и опустошил вазочку с печенюшками. Беседа протекала в неторопливом русле.

– Нам известно об агентстве «Профиль» и весьма неоднозначной репутации, закрепившейся за вашими работниками, – витиевато начал капитан Силантьев. – Но это не отеческий разнос...

– И не попытка прикрыть вашу лавочку, – подхватил капитан Филатов. – Мы надеемся на вашу осведомленность, Константин Андреевич. Исходя из разнообразия вашей деятельности, мы имеем право на нее надеяться, не так ли?

– Беда обрушилась на город, Константин, – скорбно поджал губы Шевелев. – Не делай такое отсутствующее выражение лица – никто не просит тебя совладать с этой бедой.

– В сибирском мегаполисе орудует жестокая, информированная, технически оснащенная банда, – продолжил капитан Филатов, – по циничности и бесцеремонности ничем не уступающая пресловутой «Черной кошке». Имеется подозрение, что шупальца спрута разбросаны по многим городским структурам. Осведомленность банды просто поражает.

– Вплоть до того, на каком этаже какого дома перегорел электрический щиток, – вставил капитан Силантьев.

– Дерзкие ограбления богатых квартир и офисов в центральной части города. Зачастую – в охраняемых домах. Убийства или бесследные исчезновения граждан. Только за последние три недели найдены тела вице-президента «Стройбанка», ответственного функционера из финансового департамента облисполкома, руководителя городской ячейки, гм... правящей партии... – Тонких губ чекиста коснулась едкая усмешка. – Супруги главного санитарного врача области (сам же врач загадочным образом исчез). Бесследно пропали: директор центрального агентства недвижимости «Мистер Ключ», ведущий местного телеканала Борис Берлин, глава крупнейшего в городе производственного холдинга, три состоятельных бизнесмена, не имевшие в работе никаких пересечений, ответственные работники силовых структур, включая заместителя начальника ОБЭП Латушкина и главного кадровика ГУВД Розова.

– Я знакомлюсь время от времени с криминальными новостями, – пожал плечами Максимов. – Люди пропадают, людей убивают. Но не помню, чтобы высказывались предположения об организованной банде.

– Информация в СМИ предельно урезана, – заметил капитан Силантьев. – Версия о том, что преступления совершаются одной и той же группой, звучит убедительно. Не будем посвящать вас в тонкости. Пропадают, как понимаете, непростые граждане, которым есть что рассказать о чужой и собственной состоятельности, а также показать, где что «зарыто», – ухмыльнулся чекист. – Нападения дерзкие. То «Скорая» к дому подъедет, а потом люди в белых

халатах выносят на носилках тело, то машину из горгаза наблюдают у подъезда, то фургончики «Чистой воды», то скромные грузчики в опрятных комбинезонах таскают мебель...

– Компетентные органы сбились с ног, – трагично заключил Шевелев. – Следы обрываются, дела рушатся, а свидетели пугливо помалкивают. Легкообъяснимые похищения (информацией эти люди обладают просто бесценной), но какова их дальнейшая судьба? Ни в живом, ни в мертвом виде граждане не объявляются, агентура – от бомжей и кочегаров до ответственных людей в офисах сотовой связи – разводит руками. Налицо зловещая угроза не только безопасности граждан, но и национальной безопасности. Интересно, Константин?

При словах об «угрозе национальной безопасности» украдкой ухмыльнулись все присутствующие на кухне. Паника в «ответственных» рядах имеет логичное объяснение, как и страстное желание поскорее найти злоумышленников.

– А при чем здесь частное детективное бюро? – терялся в догадках Максимов. – Мы ни разу не сталкивались с подобным феноменом. А если и сталкивались, мы же не телепаты. Я, конечно, от души сочувствую вам, господа хорошие...

– Сочувствия мало, Константин Андреевич, – перебил его Филатов. Черные зрачки сузились в щербатые месяцы. – Мы охотно верим, что деятельность агентства не пересекалась с деятельностью банды – косвенное подтверждение тому ваш здоровый, а главное, живой вид. Однако... – цепкие, сверлящие глазки впились в сыщика, как рыболовные крючки, – нам хотелось бы ознакомиться с делами вашего агентства за прошедший месяц. Без формальностей и документации. В домашней обстановке, так сказать, но с предельной откровенностью. Надеюсь, час от выходного дня – невелика потеря?

– Мы теряем больше, – напомнил Силантьев.

«Ну, конечно, – досадливо подумал Максимов. – У них ведь, как у всех людей, жены, дети, любовницы...»

– Не бойся, Константин, – понял его метания Шевелев. – Взаимоотношения частного агентства с налоговым ведомством господ чекистов не волнуют. Не пострадает ваша белоснежная репутация. Впрочем, если ты считаешь, что предпочтительнее продолжить беседу на Коммунистической...

По счастью, ничего «особо дерзкого» или из рук вон конфиденциального в работе «Профиля» за октябрь месяц не было. Банальная мелочевка. «Лицо закавказской национальности» (новый полицейский термин, не совсем, кстати, удачный, поскольку попадают под него не только армяне-грузины-азербайджанцы, но и турки с иранцами, а при желании – и израильтяне), по имени Фрунзик Оганесян, весьма переживало по поводу легкомысленного поведения белокурой супруги Насти и убедительно просило проследить. Процесс сопровождался жалобной мужской слезой и чемоданом денег. Факт измены благополучно вскрыли. «Разлучником» оказался... чертовски привлекательный субъект одного с Настей пола, возраста, комплекции, цвета и даже имени. Лицо означенной национальности погрузилось в беспросветное изумление, а агентство «Профиль» всеми силами постаралось убедить клиента, что факта супружеской измены как бы не было, а имело место своеобразное раздвоение личности и небольшая девичья шалость. Обошлось без крови. Зато возбудился сотрудник агентства Вернер. Закрутился жаркий любовный многоугольник, но в продолжение бесчинств господина Оганесяна уже не посвящали. Неделю продолжались поиски холеного мастифа Жульки, сбежавшего от хозяина и прибранного сердобольной пенсионеркой – обладательницей девяти кошек, морской свинки и хромого попугая Жеки. Заявился пенсионер из соседнего дома, заподозривший в «разъездных» работницах собеса квартирных мошенниц. Пришли, мол, зубы заговорили, выдали доплату к пенсии в размере четырехсот рублей, а взамен похитили семейные сбережения. Устроили засаду в соседнем доме (благо пенсионер оказался бывшим художником с идеальной памятью на лица), скрутили сексапильных девиц, когда одна заговаривала зубы отзывчивой старушке, а другая «трясла буфеты», и без жалости сдали в полицию. Раскрыли серию

краж из цветочной лавки – по заказу разгневанной цветочницы. Задержали неистовую любительницу лимонных каламандинов и нефролеписов, объяснив, что клептомания – это порок, заставили сдать обратно. Полицию не посвящали...

Информацию анализировали беглым образом.

– И это все? – несколько разочарованно спросил капитан Силантьев.

– Недород, капитан, чем богаты... – обескураженно развел руками Максимов. – Обратитесь в агентство «Анфас» – у них, я слышал, завышенные социалистические обязательства и жесткие санкции к тем, кто не выполняет план. Информации – полные закрома.

– Были, – поморщился Силантьев.

– Пустышка, – обронил Филатов. Помолчал, мусоля кожаную перчатку, и тихо отчеканил: – Надеюсь, вы понимаете, Константин Андреевич, что любая информация, способная заинтересовать органы, должна предоставляться немедленно? Вы – неглупый человек, и хорошо знаете, что такое интересная информация.

– Банда никогда не повторяется, – дополнил капитан Силантьев. – Если используется мебельный фургон – то только раз: с его, кстати, участием и была обчищена квартира доктора Фогеля. То же касается всевозможных «Чистых вод», «горгазов», «работников вневедомственной охраны», прибывших по причине ложно сработавшей системы «Охтуба»...

– Единственный, между прочим, достоверно описанный случай, – встрепенулся Шевелев. – Старушка-пенсионерка видела в глазок широкие полицейские спины, но физиономии, к сожалению, не видела.

– Оттого и выжила, – буркнул Силантьев.

– А наутро состоятельный бизнесмен не вышел на работу, – сухо произнес Филатов. – О его местонахождении до сих пор неизвестно...

Гости удалились так же тихо, как пришли, даже чаю не попили. Максимов перехватил в прихожей Шевелева, дождался, пока двое других выйдут на лестницу.

– Почему так серьезно, Юрка? РУБОП совместно с ФСБ проводит праздные беседы ни о чем. Очень трогательно, хвалю. Но при чем здесь частный сыск?

– Союз не по любви, – покосившись на дверь, пробормотал Шевелев. – Руководство этого чертова города трясется в припадке. Такое ощущение, что кое-кого уже подвергли шантажу. Требуют от органов немедленных телодвижений и самых извращенных союзов. Вынь да положь... Кстати, не ты один подвергаешься наезду – работают со всеми, кто хоть как-то соприкасается с криминалом...

Ожидание немедленных неприятностей вылилось в испорченную ночь, тоскливую утреннюю подавленность и бесконечный, монотонный день, в который ровным счетом ничего не произошло. Клиенты не баловали. Старых «хвостов» не было – в последний осенний месяц агентство «Профиль» вступило без долгов и манящих денежных перспектив. Осень в этом году опять отличилась: до первого ноября – ни снежинки, зато морозы – по полной программе: студеные, трескучие. А первого числа – незадолго до окончания бесполового рабочего дня – внезапно резко потеплело, и из собравшихся косматых туч густыми ватными хлопьями повалил первый снег! Екатерина подскочила к окну, выражая бурный восторг. Максимов почувствовал, как улучшается настроение и пропадает желание без причины орать на сотрудников. Олехма Лохматов зарядил чайник. Вернер демонстративно глянул на часы и объявил, что знает способ, как добавить тепла в пошатнувшиеся взаимоотношения.

– Такая маленькая, незаметная бутылочка, зато какой потрясающий эффект...

– Ты должен заглядеть свою вину, Константин Андреевич, – отвернулась от окна Екатерина. – Уже без малого восемь часов ты давишь на нас своей тяжелой энергетикой и непонятно чего добиваешься.

– Впечатлительный очень, – поцокал языком Вернер. – Визит Шевелева и замотанных парней из ФСБ произвел на тебя неизгладимое впечатление. С этим нужно бороться, командир, – решительно и крепким градусом. Не придет к тебе «Черная кошка», не переживай. Если сам, конечно, не напросишься.

– А вот со мной тоже неприятная история приключилась, – подал голос Олежка Лохматов. – Пошел вчера в кино на «Сокровище нации». И с таким, блин, сокровищем познакомился – рядом сидела, в темноте не разглядел...

– Такая страшная? – посочувствовал Вернер, сворачивая «горло» явленной из заначки «Перцовочке» (официального разрешения от начальства пока не поступало).

– Терпимая, – пожал плечами Олежка. – Но с таким умственным развитием могла бы быть и покрасивее. Выпускница оперного отделения консерватории.

– Тоска, – пробормотала Екатерина.

– И с детства пишет стихи, – вздохнул Олежка, – которые сама же и исполняет.

– Ну, ты ее, конечно, проводил, – встрепенулся Вернер.

– Взглядом, – ухмыльнулся Максимов.

– Как порядочный джентльмен! – возмутился несостоявшийся Ромео. – Это вам не лапти со щами, коллеги. До самого подъезда. Теперь у меня врожденная гинекофобия – боязнь женщин, гомицидофобия – страх совершить убийство, гаптофобия – боязнь прикосновения окружающих. А также мелофобия, метрофобия...

– Постой, – не понял Максимов, – она, что, в метро к тебе приставала?

– Какой вы дремучий, Константин Андреевич, – расстроился Олежка. – Метрофобия – это страх поэзии. Вы бы слышали, какие вирши она мне на мосту погибала...

– Представляю, как, доведя девочку до подъезда, ты врубил пятую... – залилась смехом Екатерина.

Под общий хохот Вернер открыл «Перцовку», и вскоре все дружно позабыли про дурное воспитание, про снежные хлопья за окном, про неизбежные крупные неприятности. Бодренько «усидели» бутылку, за ней – вторую, в которую чудесным образом трансформировалась пустая. Посудачили, потравили анекдоты, то есть наполнили пьянку глубоким смыслом. В семь с копейками Вернер заявил, что не прочь продолжить огорчать печень, но данная компания его утомила (а утром опять на эти же физиономии любоваться) и пойдет он искать другую. За Вернером разбрелись остальные. В восемь тридцать Максимов добрался до дому, загнал Маринку в детскую и погрузился в неопределенное ожидание. Дурные предчувствия отступали по всем фронтам. Телефон помалкивал. На лестничной клетке не наблюдалось потусторонней активности. В одиннадцать двадцать, плотно притворив дверь, он прослушал местные криминальные новости и, не отметив ничего значительного, завалился спать.

Ночь прошла на удивление спокойно. Все плохое и неясное кануло в пучину мутного сознания.

Утро огорошило, и не только Максимова – весь город! В мэрии еще не поняли, что началась зима. Ни одной снегоуборочной машины на улицах! А город между тем буквально утонул в снежном убранстве. Машины буксовали в сугробах, общественный транспорт прочно встал, пешеходы матерились, протаптывая тропинки в тротуарах, на которых еще вчера не было ни снежинки.

Но самое интересное, что на работу никто не опоздал. Олежка Лохматов столовой ложкой поглощал сгущенку (он где-то вычитал, что в одной маленькой баночке утрамбованы литр молока, двести граммов сахара и уйма полезных микробов). Екатерина не могла налюбоваться видом из окна. В особенное умиление ее приводила борьба пешеходов с сугробами. «Лошадью ходи, лошадью», – бормотала она непонятно кому, сплющив симпатичный носик о стекло. В девять часов и тридцать секунд, напевая под нос, что и утром все не так, нет того веселья, завалился Вернер, окруженный загадочным романтическим флером и вчерашним перегаром.

Побродив в приемной вокруг Любаши, отыскал кабинет, плюхнулся за стол и со словами, что минералка по утрам не роскошь, а средство передвижения, извлек из сумки ополовиненную бутылку «Карачинской» и играючи с ней расправился. Судя по довольной физиономии, прошедшей ночью он перепробовал все грехи (возможно, кроме убийства).

– Новый испепеляющий роман? – завистливо покосилась на него Екатерина.

– Да, – горделиво кивнул Вернер, – практически «Ирония судьбы». Только в баню не ходили.

– Ужас! – покачала головой Екатерина. – Я воспитывалась в обстановке жуткого пуританства, мне такое не осилить. Кстати, Шурик, знаю новое средство от похмелья – «Красный глаз» называется. Пиво пополам с томатным соком...

Вернер сдавленно закашлялся, схватился за горло и убежал в приемную – обсуждать с Любашей современные модные тенденции. Екатерина удовлетворенно потрянула головкой – одного «сделала».

– Кстати, коллеги, – облизал столовую ложку Лохматов, – вы никогда не задумывались над тем, что мы видим? Я имею в виду вопиющую разницу между тем, что происходит на самом деле, и тем, как мы это воспринимаем. А ведь самое заурядное событие может в реальности оказаться совсем не таким, каким мы его видим. Вот взять, например, тюленя и русалку. Определенные сходства у этих «товарищей», безусловно, имеются... – Олежка замолчал и задумчиво уставился на доньшко вылизанной банки.

– А зачем ты это сказал? – слотнув, поинтересовалась Екатерина. Максимов поймал ее настороженный взгляд.

– Мозги от сгущенки слиплись, – авторитетно пояснил из приемной Вернер.

– Безделье, пропади оно пропадом, – сокрушенно вздохнул Максимов. – Представляю, до чего мы договоримся через неделю, если не появится работа.

– Нет, серьезно, – скинул с себя оцепенение Олежка. – Посмотрите, например, на эту банку. Полагаете, в ней была сгущенка? Я тоже так думал – ведь вкусная же, зараза! А прочитайте внимательно, что написано меленьким шрифтом. «Продукт сливочно-растительный, сгущенный с сахаром!» Добавки, загустители, растительные масла, «продукт сладкого вкуса, однородный по всей массе, белого с кремовым оттенком цвета. Предназначен для непосредственного употребления в пищу...». Отличная новость, коллеги: корова – это растение! А теперь взгляните, например... – Олежка закрутился на стуле, – ну, хотя бы на нашего начальника.

– Попрошу не трогать липкими руками... – забурчал Максимов.

– Да нет, без шуток. Мы не будем вас обижать, Константин Андреевич. Но что вижу я, когда гляжу на вас, и что видит тот же Вернер – это вещи разного порядка. Каждый воспринимает вас по-своему!

– А страшно представить, что думает Екатерина Сергеевна, – высунулся из приемной Вернер.

– А чего я о нем думаю? – покраснела Екатерина. – Ничего не думаю, отдумала уже. Максимов как Максимов.

– Не совсем, Екатерина Сергеевна, не спорьте, – возразил Олежка. – Восприятие совершенно иное, согласитесь. Вам бросается в глаза одно, нам – решительно другое. Вас, допустим, коробит, что он сегодня не побрился, а нам это глубоко фиолетово...

– А нам вообще бы его не видеть, – проворчал Вернер.

– А про меня забыли! – воскликнула из-под Вернера Любочка. – Для одних из вас я – объект постоянных насмешек, для других – дверной глазок, для третьих – тупая секретарша! А ведь у меня такая тонкая душевная организация...

– Где? – изумился Вернер и быстренько захлопнул дверь в кабинет.

– Хорошо, Олежка, – осторожно произнес Максимов, – ты нас уговорил. Теперь мы будем внимательно смотреть на то, что видим.

– Хорошо сказал, – осторожно согласилась Екатерина. – В тебе скончался видный филолог.

– Олежка совершенно прав! – снова распахнулась дверь в приемную. – Недавно в центре вспыхнул двухэтажный деревянный дом совместно с одиноким пенсионером. Этот дядя был единственным жильцом, отказавшимся переезжать в предоставленную квартиру. «Не поеду, – сказал пенсионер, – хоть жгите». И сожгли. Всем понятно, почему случился пожар, но каков официальный вывод? Несчастный случай. Ну, случилось. Бывает. Слишком коротким оказалось замыкание. Разве может от такого пустяка пострадать точечная застройка города? Ярчайший пример, коллеги, когда смотрят на одно, а видят другое. А хотите, расскажу, кто является фактическим заказчиком преступления?

– И думать не смей! – разозлился Максимов. – Больше всего мы интересуемся тем, что нас совершенно не касается. Кошку сгубило любопытство, фраера жадность...

Высказать спорную точку зрения никто не успел. Прозвенел звонок – пришла посетительница, и все привычное и почти домашнее стало медленно, но неуклонно сползать в пропасть.

Пропадают в этом городе не только влиятельные и дорогостоящие особы. Пропадают все подряд – молодые, старые, бедные, богатые. Отдельные из них впоследствии находятся – кто-то уже мертвый, кто-то, к счастью, живой. А близкие тех, кто пропал с концами, годами живут надеждой и несут ее в себе до последнего дня, не желая верить в самое страшное. Посетительница плакала, теребила платочек. Нина Михайловна Савицкая, 49 лет. Серое лицо, следы бессонной ночи под глазами. Одета неброско, пальтишко на синтепоне, сапожки многолетней давности. Сразу видно: семья не жирует. Надежда Нины Михайловны умирать не собирается: сутки не прошли, как пропал ее сын Гриша Савицкий – симпатичный мальчик, бывший студент института народного хозяйства, завязавший с учебой, а нынче посещающий художественную школу по отделению живописи (одаренность у Гриши). В армию не берут – по причине отсутствия в войсках отдельных плоскостопных подразделений. На работу не устроен. Но преподаватели в восторге – уверяют, что у Гриши весьма своеобразное видение мира, и, если родители не забросят учебу сына, вырастет новый Пикассо или, скажем, Сальвадор Дали, хотя лично мама предпочла бы Васнецова...

Но это – бесплатная лирика. Пропало единственное чадо – вчера вечером, в районе пяти часов, уже темнело. Снег как раз повалил – густой, красивый, первый снег за долгую осень. С этим снегопадом Гриша и пропал, словно растворился в сумрачной пелене. Мама обегала всех соседей, растормошила дом и ближайшие подворотни, дважды «строила» полицию. Неторопливые органы заявление в принципе приняли, но попросили подождать – обязан пройти какой-то срок, прежде чем человека на законных основаниях можно объявлять в розыск. А Нине Михайловне плевать на эти сроки. Гриша – мальчик домашний, он не мог исчезнуть, не предупредив!

Женщину трясло мелкой дрожью. Теперь она уверена – с сыном что-то случилось. Не пришел вечером, не пришел ночью, но утром обязательно бы о себе сообщил! Обстоятельства пропажи парня крайне загадочные. Дом, в котором проживает семья Савицких, стоит во дворах вокзальной магистрали между оперным театром и железнодорожным вокзалом. Место тихое, спокойное. Пропаший, прежде чем пропасть, проводил время в обществе невесты Женечки. Мама на работе (штамповщицей трудится на заводе радиодеталей), папа в больнице (камни в мочеточках) – детки развлекались. Ничего особенного – Грише девятнадцать, Женечке – скоро будет. Пришли друзья с пивом – Толик и Егорка. Выпили за будущую семью, за деньги, за удачу. Культурные ребята, но захотели выпить еще. Бросили жребий. Гриша и отправился за

пивом (хотя по праву хозяина мог не ходить, но порядочный очень). В 16.40 это было, на улице уже темнело. В трико, маечке, любимых зеленых кроссовках, набросил кожаную курточку и побежал. Квартира расположена на третьем этаже. Он действительно, покинув квартиру, отправился вниз – на втором этаже встретил соседку из 46-й квартиры, отпиравшую собственную дверь. Соседка помнит эту встречу, не совсем из ума выжила. Перекинулись парой слов. Веселый был парень, шутил. Вышел из подъезда, а там дворник Евдоким у подвальной решетки чего-то скребет (также запомнил парня). И с дворником перекинулись парой слов. Дальше побежал. Двор-колодец, переломанный буквой «Г». На длинной стороне этой буквы, перед отворотом за угол, встретил Надежду – одинокую разведенку из 71-й квартиры, кивнули друг дружке. Обрулил Надежду, побежал направо. Та прошла два шага, обернулась – видела, как Гриша повернул со двора, однако в арку еще не погрузился. До киоска, торгующего пивом и сопутствующей мелочью, – тридцать метров. Дорогу переходить не надо. Никого в этот час снаружи арки не было – ни машин, ни прохожих. Напротив выезда со двора, чуть правее киоска, – платная автостоянка. Будка, пожилой работник охраны. Ответил на все вопросы Нины Михайловны. Мужчина вменяемый, серьезный, проживает в этом же доме. Клянется, что с 16.30 до 16.50, пока пил чай и смотрел в окно, никто, похожий на Гришу Савицкого, со двора не выходил. Отвлекающих факторов не было. У киоска отоварились две девочки-малолетки, двое взрослых мужчин. Обычные прохожие. Женщин, заходящих во двор, соседку с третьего этажа (Нину Михайловну) и Надежду из 71-й, – он прекрасно помнит...

– Получается, ваш сын пропал на участке между непосредственно двором и аркой на улицу... – задумчиво пробормотал Максимов. – На короткой палочке буквы «Г»...

– Получается, так, – всхлипнула Нина Михайловна. – Но он не мог там пропасть. Стены глухие – ни окон, ни дверей, а пожарная лестница – высоко, до нее не достать.

От Максимова не укрылось, как насторожился Олежка Лохматов. Екатерина перестала созерцать свои ногти и задумчиво воззрилась на клиентку. По стеночке из приемной пробрался Вернер – обустроился в уголке, задышал в сторону, заскреб горбинку на носу.

В прошедший понедельник Нина Михайловна вернулась с работы в пять часов. Пораньше отпросилась – купить продукты и успеть к супругу в больницу. К дому подходила, снег валил – густой, невыносимо белый, в свете фонарей – чистое загляденье. Первый снег за всю ненастную осень... Дома обнаружила невесту сына Женечку, потрясающей скромности девушку, и двоих друзей – Егора и Толика. Хорошие ребята, только у последнего внешность немного подкачала, оттого и кличку имеет в кругу друзей соответствующую – Тролик. «А где же Гриша, ребята?» – озадачилась Нина Михайловна, обнаружив отсутствие сына. «Так это самое, Нина Михайловна, – растерялись молодые люди. – Он, извиняемся, за пивом в киоск отошел. А вы его не встретили?» – «Да нет...» Странно как-то. В общем, помялись ребята, посидели и ушли. И невеста Женечка ушла. Потом звонила пару раз, справлялась, не вернулся ли Гриша. А мама дотерпела до восьми вечера, побежала по соседям, к дворнику Евдокиму, в полицию. А наутро – к частным сыщикам, чей адрес подсказала разведенка Надежда из 71-й квартиры, ежедневно проходящая в контору Гипротранса мимо вывески агентства «Профиль»...

Разорять семейный бюджет не позволяла воспаленная совесть. Максимальная сумма, которую смогла уплатить Нина Михайловна, и стала основой сотрудничества, после чего заплаканная посетительница удалилась. Максимов скептически разглядывал фотографию отпрыска – светловолосого юноши с доверчивой улыбкой.

– Образовалось нечто загадочное, – справедливо заметила Екатерина. – Исходя из рассказа Нины Михайловны, ее сынок пропал в таком месте, где пропасть невозможно даже при желании. Этот бред мне смутно напоминает... – Екатерина эффектно развернула безупречный профиль в сторону Лохматова, и Олежка незамедлительно покраснел.

– Но бесследно пропадают только деньги, – напомнил Вернер.

– Вот именно, – согласился Максимов. – Пока не увидим своими глазами – не поверим. Ну что ж, коллеги, будем искать «исчезновенца». Не скажу, что процесс чрезвычайно благодарный, но это единственная работа, которую мы имеем на текущий день. Лохматов, читаешь адрес и с особым пристрастием допрашиваешь невесту. Вернер – отыскать Егорку с Толяном, разложить по полочкам вчерашний вечер, психологический портрет парня – привычки, склонность к авантюре, вспыльчивость. Только пиво с ними не пить! Екатерина – в седло, и со мной по хорошо улегшемуся снежку.

– С тобой? – изумилась Екатерина. – Интересное предложение, Костик. Одного не пойму по нехватке смекалки – это честь или горькая повинность?

Неустойчивое начало зимы – температура в неуверенных плюсах, но снег пока лежит. Зашевелились городские службы – с широких магистралей стали потихоньку убирать. А вот во дворах – нагромождения сугробов, редкие дворники драли скребками проезжие части, тропинки же на тротуарах местные жители протаптывали самостоятельно. До искомого двора пришлось одолевать четыре «сталинские» пятиэтажки, детский садик и знакомую со слов Нины Михайловны автостоянку. Коммерческий киоск, пресловутая арка в массивном кирпичном здании – обрамление осыпалось, обширные бреши в основательной кладке. Уважал Максимов такие добротные строения: толщина наружной стены в три с половиной кирпича, трехметровые потолки, кубатура квартир не для карликов.

– Ну, что, коллега, работаем по методу Лохматова? Изучаем, запоминаем, а потом смотрим на это другими глазами.

– Вижу алые кисти рябин, – пробормотала Екатерина. – Остальное – сушая проза.

Он с невольным интересом покосился на сотрудницу. Модные сапожки, короткая курточка с меховой оторочкой, игривая шапочка, пушистые рукавички – Екатерина выглядела просто сногшибательно. Трое старшекласников, застрявших у киоска, повернули головы и тупо заулыбались.

– Пойдем, сестра. – Он взял ее за руку и повел к арке.

Заурядная «сталинская» подворотня. Круглый свод, двадцать метров полумрака, мрачные стены, украшенные граффити. Колея продавлена местным транспортом (даже в чрево подворотни обильно намело). За аркой открываются две глухих стены, на которые проблематично вскарабкаться даже обезьяне. Проезжая часть, зубастые бордюры, проглядывающие из-под завалов. Пространство между стенами и бордюрами покрыто ровным слоем снежка. Пожарная лестница на уровне второго этажа – сомнительной прочности конструкция, цепляющаяся за карнизы и убегающая на крышу.

– Не достать, – задумчиво констатировал Максимов.

– Не достать, – подтвердила Екатерина, высвобождая руку. – Даже если подняться товарищу на плечи и подпрыгнуть – все равно не достать.

Короткая палочка буквы «Г» – это двадцать метров суженного пространства. Гнутая водосточная труба – поворот налево, в замкнутый обширный «атриум». Двери подъездов, забитые мусором балконы, карнизы, украшенные снежными шапками. Детская площадка с каруселью, одинокая ель в окружении голых кустиков акации. Черный «Фольксваген» у ближайшего подъезда.

Заходить к Савицким, вероятно, не имело смысла. Сотовый телефон Максимова Нина Михайловна прилежно записала и в случае чудесного возвращения Гриши непременно поставила бы в известность. Детективы поднялись на второй этаж и позвонили в 46-ю квартиру.

Допрос пенсионерки ничего не дал. Услышав имена соседки и ее безвременного пропавшего отпрыска, симпатичная старушка Софья Акимовна сочувственно заохала, завздохала и пригласила сыщиков попить чаю. К напитку прилагались самодельные изделия из сдобы, поэтому отказаться духу не хватило. В ходе беседы добродушная и интеллигентная Софья

Акимовна подтвердила сказанное соседкой. В булочную ходила старушка, возвращалась, ключ вставила в замочную скважину, а в это время с третьего этажа отрок скатился. Веселый такой. Курточка нараспашку, маечка с китайскими буквами, трико с пузырями. В руке пакет – красноватый, вместительный, в супермаркете напитков «Четыре звездочки» такие выдают. Здравствуйте, мол, глубокоуважаемая Софья Акимовна, вы еще не уехали к своему внуку в Тель-Авив? Он всегда таким образом здороваётся. Вежливый мальчик. Шепотом немного, но, говорят, чудовищно талантлив. Шедевры малюет на холстах. Притормозил возле старушки, помог авоську придержать, пока она с дверью расправлялась. Дальше побежал – она и упрекнуть его не успела, а ведь от паренька так явственно несло пивом...

– Скажите, Софья Акимовна, – отправляя в рот восьмую печеньюшку, осведомился Максимов, – где мы можем найти дворника?

– Евдокима-то? – поморщилась старушка. – А чего его находить? Он всегда в своей каморке, алкоголик пропащий. Или за водкой бегаёт. Или инструментом во дворе ковыряет. Дворничка рядом с подъездом – выйдете, и сразу дверь. Там когда-то комната от 37-й квартиры была, а потом хозяйка померла, квартира району отошла, стенку замуровали, дверь вставили...

– Неважный работник? – нахмурилась Екатерина.

– Да нет, бывают и хуже, – пожал плечами старушка. – А что можно требовать, молодые люди, от обычного дворника – он же не физик-ядерщик, верно?

– Верно, – удивился Максимов. – А вы кем по молодости лет трудились, Софья Акимовна, если не секрет?

– Ну уж не физиком-ядерщиком, – улыбнулась старушка.

Искать «неважного работника» практически не пришлось. Долговязая личность – небритая, морщинистая, в вязаной шапочке и дедовском драповом пальто – ковыряла скребком окрестности соседнего подъезда. Не лицо, а производная от родового проклятия. Максимов действовал нахраписто и решительно. Сунул руки в карманы и, соорудив значительный взгляд, стал «давить на психику».

– Евдоким такой-то? – строго спросил он. – Отвлекитесь на минуточку.

Работник скукожил мину, явно говорящую: «Ох, куплю когда-нибудь бензопилу...» После вчерашнего «чаепития» он и так неважно себя чувствовал, а тут какие-то...

– Ну, чего надо?

– Мы расследуем дело о пропаже жильца из третьего подъезда, – сухо отчеканил Максимов. – Нам известно, что у вас имеется информация по вчерашним событиям, не вздумайте отнекиваться.

Дворник непроизвольно икнул. Шустрые глазки спрыгнули с Максимова на Екатерину, опять водрузились на сыщика.

– Вы из полиции?..

– А откуда же? – рявкнул сыщик. – Не похожи, уважаемый? Есть желание прогуляться?

– Нет желания. – Испуганно замотал шапочкой дворник. – Но я ведь... не знаю ничего... Меня и мать этого парня вчера отловила, трясла, как яблоню... Видит бог, граждане... – Он неумело и как-то лихорадочно закрестился, но выглядело это как-то неубедительно.

Почувствовав необъяснимую злость, Максимов произнес тоном, не предвещающим ничего хорошего:

– Нина Михайловна Савицкая рассказала нам о вчерашней беседе. Давайте уточним некоторые факты. Итак, ориентировочно в 16.40 вы работали поблизости от третьего подъезда. Появился Гриша...

По всему выходило, что дворник не лукавил – сбивчивые показания вполне вплетались в канву. Но как-то без огонька он повествовал, время тянул и вместе с тем норовил избавиться от непрошенных гостей. Да, случилось так, что в 16.40 он работал недалеко от третьего подъ-

езда: «А как же не работать, вы помните, какой снежище валил?» Ну, выпил маленько, не без этого, какая же работа без сугреву? Выпрыгнул малец – рассупоненный, с красным пакетом. Знает Евдоким этого мальчика, Гришкой кличут, нормальный малец, на художника учится, и мамашка у него нормальная, скромная, отец в больнице лежит – лично видел, как «Скорая» увозила. Жениться Гришка в обозримом планировал – похаживала тут к нему одна, смазливая, в белой шапочке, ходит слух, что не зря похаживала. В общем, поздоровался малец, объяснил ситуацию – дескать, полна горница гостей, а пива мало – преступно мало! – и рванул со двора. Не знал Гриша, что мамаша в этот день пораньше с завода отпросится. А Евдоким как раз передышку сделал – посмотрел мальцу вслед. Снег густой валил, но видимость-то не нулевая. Добежал Гриша до водосточной трубы, столкнулся с мадам из четвертого подъезда, «огибнул» ее и рванул к арке. А сквозь толщу кирпича дворник проникать не умеет, вот и не знает, что дальше с парнем было. Мадам из четвертого подъезда вроде оглянулась, но как-то мельком. А затем машина въехала – из своих – «Лада» кремовая Павла Николаевича из 90-й квартиры. Мадам еще посторонилась, пропустила. Вошла в свой подъезд, а Павел Николаевич приткнул машину к стене – и в свой. А дальше дворник в дворницкую потопал – не май же месяц, в самом деле...

Максимов переглянулся с Екатериной: кто ходит в гости по утрам... Да какое уж утро, скоро день кончится! Екатерина согласно кивнула – куда угодно, только в тепло.

– Ну, что, Евдоким, показывай свои апартаменты, – «обрадовал» дворника Максимов. – Забежим к тебе погреться, не возражаешь?

Попробовал бы только возразить. Но, как ни странно, к предложению дворник отнесся равнодушно. Махнул скрюченной рукой:

– Пойдемте, граждане начальники. Посмотрите, как живут добропорядочные трудяги.

В излишествах «добропорядочный трудяга» не купался. Из отопительных приборов в узкой комнатухе присутствовал только допотопный спиральный нагреватель. Дверь, обитая войлоком, диван в разобранном виде, перегородка в санузел. Здесь же рабочий инвентарь, ворохи одежды, кухонный ужас под названием «Лысьва», перегруженная «фамильной» посудой раковина. Шеренга «белоглазой» на полу.

Отогреваться пришлось на ногах – не садиться же. Екатерина брезгливо закатывала глазки, Максимов терпел. Привычным жестом Евдоким плеснул в стакан, махнул залпом, предложил из вежливости. Екатерина в ответ рассмеялась, а дворник отдельными местами зарумянился, подобрел, начал жаловаться на житье-бытье. О том, как жизнь стремительно тяжелеет: ЖЭУ пакостит, горводоканал достал со своими придирами, комиссии из мэрии по дворам шастают, работать не дают. Ведь город по итогам прошлого года занял первое место на конкурсе «Золотой Олимп» – лучший город России (какие же тогда остальные?), и теперь вся чиновничья братия из кожи лезет, чтобы хватануть повторно «пальмовую ветвь». А с личной жизнью у Евдокима сплошные неурядицы, к тому же дворницкая насквозь продувается, зима некстати подкралась – вот и приходится каждодневно в качестве вынужденной меры прикладываться к «сорокаградусной батарее». А ведь зарплата ох как не поспевает за ценами на спиртосодержащие напитки...

Такое ощущение, что рабочий день у Евдокима благополучно закончился. А куда напрягаться? Снег не убежит. Лицезреть, как дворник мастерски поглощает второй стакан, уже не посчастливилось – Екатерина потянула Максимова на улицу.

В 90-й квартире пожилая женщина печально поведала, что Павел Николаевич будет поздно – работает за городом, мастером путеремонтной бригады, и нынче как раз аврал. У одинокой разведенки в 71-й квартире жалобно мяукала кошка, к двери никто не подходил. И не мог подойти – рабочий день еще не закончился. Ответственный работник на автостоянке произвел положительное впечатление. Описал во всех подробностях, как провел время с 16.30 до 16.50, кого видел рядом с домом, и, скорее всего, его словам можно было верить.

– Дело ваше, молодые люди, – не стал настаивать на своем мнении дядечка, – хотите – верьте, хотите – нет. Говорю лишь то, что видел. И лучше бы вам не париться. Не выходил сынок Нины Михайловны со двора, головой отвечаю. Это рядом с моей будкой – я как раз в окно смотрел, чай прихлебывал, клиентов не было... А кабы и вышел Гришка со двора, а я моргнул бы в этот момент, неужто умотал бы дальше киоска?

В киоске меланхоличная продавщица изучила предъявленное фото и поклялась на распятии, что этот малый вчера вечером у нее не отоваривался. А в прошлый четверг подходил – точно. Знает она этого отрока, в соседнем доме живет. Не сказать, что очень часто покупает пиво, но случается...

Чертовщина цвела.

– Ну что ж, – пробормотал Максимов, выходя на улицу. – Еще одно подтверждение, что Григорий пропал в совершенно не приспособленном для этого месте.

Снова мистический двор-колодец с прямоугольником неба над головой, глухие стены, удаленная от посторонних глаз пожарная лестница... Холод забирался за воротник, ботиночки на тонкой подошве примерзали к снегу, но Максимов истуканом стоял посреди двора и зачарованно вертел головой.

Екатерина уже не просто подпрыгивала, а исполняла энергичный экзотический танец, рассчитанный на одного зрителя.

– Костик, я всей душой разделяю твое любопытство, но это уже засада... Не пора ли на базу?

– А как же строгая логическая завершенность, Катюша? – затряс он ее за плечи. – Мы должны родить мысль, хотя бы одну на двоих. Мы с тобой сыщики или как?

– Пойми, Костик, маленькой елочке холодно зимой, сам рожай... – лихорадочно стучала зубами Екатерина. – Дождешься когда-нибудь, гражданин начальник, я с тобой не только мысль – ребеночка родить не смогу!

Довод – краше некуда. Он не стал терзать роковую красотку – развернул ее к подворотне и легонько подтолкнул:

– Марш отсюда! До шести сидеть на «базе», ждать моего звонка. Не позвоню – можешь расхотиться.

Она умчалась быстрее лани, предпочтя не комментировать последние высказывания. А Максимов побродил по округе, забрался в четвертый подъезд – на ледяную батарею под 71-й квартирой – и погрузился в анабиоз.

На батарее его и настигло донесение от прилежно идущих по начертанному пути коллег.

– Приветствую тебя, о старейший! – жизнерадостно сказал Вернер. – Ты где вообще находишься?

– В анабиозе, – ответил Максимов.

– А точнее? – не сообразил Вернер.

– На батарее.

– Ага, – совсем запутался сотрудник. – Полагаю, это неспроста. В противном случае – довольно своеобразный способ проведения рабочего времени.

– Надо мне.

– Ладно, не буду тебя смущать. Слушай. Впрочем, полезной информации я тебе не скажу. Все это было, было... Пропали оно пропадом, командир, но никакой причины не верить друзьям-товарищам нет. Пришли к Григорию с пивом, а у того подружка – кофточку смущенно застегивает. Ну, не уходит же – тем паче что парочка свои дела вроде бы закончила. Выпили, одним словом, бросили жребий, Гриша побежал. ВСЕ! Посидели, подождали – пришла мама. Ушли. Женечка сильно нервничает: Гриша у нее один, и она его самозабвенно и очень страстно любит. Готова предложить похитителям себя взамен Гриши.

– Она уверена, что Гришу похитили? – удивился Максимов.

– Да, уверена, – подтвердил Вернер. – Девочка предпочитает редко пользоваться мозгами, бережет на будущее. В отличие от парней, которые глубоко убеждены, что похищение стопроцентно исключено, типа, никому он, на хрен, не нужен, этот Гриша. Семья с трудом доживает от зарплаты до зарплаты, денег там не водится просто в принципе, а все с трудом сэкономленные копейки уходят на Гришино обучение. Я помог тебе, командир?

– Не оценимо, – пробормотал Максимов. – До встречи. Будет время – позвоню.

К тому моменту, когда бездетная разведенка по имени Надежда добралась до квартиры, Максимов крепко пристыл к батарее. Он сидел неподвижно, «исполненный очей» (таким красивым термином древние обозначали спящих с открытыми глазами), когда мимо прошла женщина в шубе, встала возле нужной двери и, путаясь в авоськах, стала искать ключи.

– Да сколько можно вас ждать, Надежда! – воскликнул Максимов, отдираясь от батареи. – Давайте же сюда ваши авоськи, я подержу. Господи, тяжесть-то какая! Надеюсь, вы купили что-нибудь вкусненькое вашей кошке – она уже три часа пронзительно концертирует.

– Пойдите, – оторопела симпатичная тридцатилетняя женщина, – а мы с вами разве знакомы?

– Так давайте же скорее знакомиться! Частный сыщик, занимаюсь пропажей Гриши Савицкого, о чем вы, безусловно, знаете, потому что разговаривали вчера с его матерью. Представьте себе, Гриша до сих пор не явился.

– Какая неприятность! – покачала головой женщина. – Знаете, частный сыщик, очень жаль, что вам пришлось три часа выслушивать концертино моей кошки, но ничего особо нового я сообщить не сумею. Просто не знаю.

– Я ожидал, что вы это скажете, – скорбно проговорил Максимов, – но решил вас дождаться, поскольку предпочитаю строгую логическую завершенность. Послушайте, Надежда, не могли бы вы впустить меня в квартиру и дать немного согреться? Замерз я, понимаете?

– Заходите, в чем вопрос? – рассмеялась женщина. – Поможете скоротать еще один тоскливый вечер.

Он понятия не имел, откуда на земле берутся одинокие, молодые и к тому же симпатичные женщины. Но факт, что в каждом доме хотя бы по одной законспирированной найдется, сомнений не вызывал. Он предпочел не задавать крамольный вопрос. Холод уходил из организма спонтанными толчками, во время которых он даже вздрагивал, да еще начали пощипывать пальцы на ногах. Максимов сидел на потертой кухонной табуретке, ощущая нарастающий интерес к жизни, и смотрел, как уставшая от восьмичасового пребывания за компьютером женщина собирает на стол еду. Иногда он ловил на себе ее мимолетный взгляд. У нее был славный курносый носик и фигура, которой позавидовали бы многие молодые девушки.

– Вы работаете в Гипротрансе?

– Работаю, – согласилась Надежда. – Транспорт проектирую. В плотно спаянном женском коллективе. Пиццу магазинную будете, Костя?

Он прекрасно выучил золотое правило – не надо заговаривать с одинокими дамами об отсутствии мужа, детей и причине угнетающего одиночества. Захотят – сами расскажут.

В кухне было тепло, уютно, подмигивал филин со встроенным часовым механизмом. Не хотелось никуда уходить, даже говорить о работе. Магазинная пицца неплохо усвоилась в оголодавшем желудке, запах бергамота из заварочного чайника приятно щекотал ноздри.

– Вы знаете, Костя, – посмотрела на него немного насмешливым взглядом Надежда. – Я до сегодняшнего дня ни разу не видела частных сыщиков. Редкая профессия.

– Редкая, – согласился Максимов, – но некоторым людям приносит пользу. Конечно, в тот прекрасный день, когда полиция начнет умело и добросовестно выполнять свои обязанности, заработает изо всех сил, частные сыщики просто вымрут за ненадобностью. К сожалению, этот

день чудовищно далек – осмелюсь робко предположить, что он вообще никогда не настанет, во всяком случае, в нашей с вами жизни...

– Это плохо, – покачала головой Надежда.

– Очень плохо, согласен. Поэтому тешу себя надеждой, что никогда не придется вспоминать о своей бывшей профессии.

– А какая у вас бывшая профессия?

– Полицейский...

Женщина заразительно рассмеялась, а Максимов окончательно уверился во мнении, что сегодня из этой квартиры не уйдет. Полочка для цветов над посудным шкафом перекосилась – поправить надо. Вентиляционная решетка отторгается от шахты. Завернуть шурупы – милое дело. Давненько в этих серых стенах не гостил мужчина с руками...

Но женщина к сути дела добавила мало. Возвращалась в понедельник с работы – ну да, в 16.40–16.42, к дому подходила, на углу у водосточки столкнулась с Гришкой. Здравсьте-здравсьте, обрулил ее парень и, что-то напевая, пустым пакетом помахивая, припустил к арке. Но не сразу добежал – Надежда обернулась и видела, как во двор въезжала машина с горящими фарами. Гриша посторонился – ступил вправо на бордюр – переждать, пока она проедет арку...

– А не мог он сесть в эту машину?

– Да вы что? Зачем? И как бы он в нее сел? Машина не остановилась, быстро въехала во двор. Меня обогнала, жилец из пятого подъезда вышел, поздоровался, еще посетовал: какой снежище, дескать, валит. Знаете, Костя, вы, конечно, можете десять раз все проверить, но лично я своим глазам привыкла доверять и с полной уверенностью могу засвидетельствовать – в машину Гриша не садился.

– Но и со двора он не выходил.

– Вы уверены? – вскинула глаза Надежда.

– Абсолютно.

– Тогда ничего не понимаю... – Она задумалась, наморщив умудренный техническими знаниями лобик. – Я видела, как он посторонился, пропуская машину. До арки ему оставалось пройти метра три. Пойдите, там ведь пожарная лестница. Не мог он на нее?.. – Надежда сглотнула. – Ну, вы понимаете...

– Не мог, – рассмеялся Максимов. – Во-первых, Гриша не сумасшедший, чтобы бежать за пивом, а пробегая мимо лестницы, забраться на нее. Во-вторых, это сможет изобразить только человек-паук – лестница высоко.

– Ну, хорошо, – покраснела Надежда. – А не мог он, скажем, вернуться?

– Мог, – допустил Максимов, – но фокус в том, что Гриша не возвращался. Подойдя к двери подъезда, вы, Надежда, вероятно, обернулись?

– Вероятно, – снова задумалась она. – Я всегда оборачиваюсь, когда подхожу к двери подъезда...

– И вы не одиноки. Нормальное чувство самосохранения. Обернувшись и узрев возвращающегося Гришу, вы бы, наверное, обратили на него внимание?

– Но он мог пройти позже...

– Постоял пару минут в распахнутой курточке, поджидая, пока вы скроетесь? Зачем? Гриша шел за пивом, до которого оставалось несколько шагов! Другое дело – забудь он дома деньги. Но деньги Гриша не забыл – сунул сто рублей в кармашек трико, а кармашек задраил на молнию, что единогласно подтверждают друзья. Загадочная история, правда, Надя?

– Очень... – шепотом произнесла она и с отчетливым многоточием. – Даже не знаю, что и подумать...

«Утро вечера мудренее», – подумал Максимов. Вероятно, Надежда подумала о том же, потому что стыдливо опустила глаза и миловидно зарделась.

– Хотите еще чаю, Костя?

– С удовольствием.

Она поднялась, потянувшись к заварнику. А дальше все произошло само собой и очень быстро. Не только в чае теплилось удовольствие – имелось и другое «горячее блюдо». Он проворно оказался на ногах, а женщина, исходящая теплом и желанием, – в его объятиях. Не дергалась, не пыталась вырваться, словно того и ждала. Ответной любовной контратаки Максимов не ожидал, но принял с радостью. Чувствовалось, что Надежда истосковалась – вцепилась в него, как в родного, вернувшегося с фронта, обняла за шею, впила губами, задрожала, исторгнув мучительный стон. А потом все пошло как по рельсам: неуклюжий вынос тела из кухни, бесполезные поиски выключателя, диван на ощупь, море удовольствия, когда из головы выдувает решительно все...

Сознание сомкнулось с реальностью где-то после третьей схватки.

– Боже мой! – сверкая в темноте глазами, проговорила она, уползая на край дивана. – Уже совсем ночь...

– Не больше десяти вечера, – поправил Максимов. – У меня в голове часы с кукушкой – работают даже при отключенных мозгах.

– Все равно очень поздно. Жена, наверное, заждалась...

– Нет у меня жены, – ответил сыщик.

– Совсем? – взметнулась она, обрадовавшись.

– Нигде, – с удовольствием подтвердил Максимов, охотно отвечая на ласку. – Но дочка, следует заметить, имеется. Наверняка волнуется.

– Так звони же ей скорее! – столкнула его с дивана Надежда. – Полагаю, дочь самостоятельная и умеет проводить время без родителя?

– У нее давно не было практики, – приврал Максимов, выбираясь из-под дивана.

Разбуженный человек крайне туго соображает. Разбуженная Маринка соображает просто никак. Предложи ей отличить слона от противогАЗа, а мачту от мечты – умрет, а не отличит.

– Я сплю, папа... – просипела Маринка.

– Я верю, дочь. Ты не очень волнуешься, что меня нет дома?

– А тебя нет дома?

Он задумался, как бы поделикатнее поставить ребенка в известность, что холодная холостяцкая кровать этой ночью обойдется без него.

– Ты сегодня не придешь, – догадалась Маринка. – Не грузись.

– Вроде того, – пробормотал Максимов. – Работы много.

– Да ладно, пап, по ушам-то ездить, – зевнула Маринка. – Я давно уже сменила подгузники на прокладки – ты не заметил? Счастливо поработать. Завтра-то придешь?

– Надеюсь. – Поборов улыбку, Максимов повесил трубку.

В спальне со скрежетом сложился диван – Надежда вынимала белье.

Ночка выдалась боевой.

Глобальное потепление продолжало удивлять. Пугающее ранее понятие «суровая сибирская зима» становилось каким-то юмористическим. Умеренно холодный день сменился теплой ночью, и практически весь снег, навалившийся за двое суток, превратился в кашу. Журчали ручьи, как в конце марта. Восходящее светило освещало замкнутый двор, свисающие с крыш сосульки и грязь вперемешку со снегом.

На термометре – шесть градусов тепла. На часах – без четверти восемь. Максимов вернул на место тюлевую занавеску и залег под одеяло. На груди у теплой женщины было значительно комфортнее.

– У тебя отличный мускулистый торс, – пробормотала Надежда.

– Мой торс в сравнении с твоим бюстом – жалкая карикатура...

– Коньяк, кофе, чай? – Как не утонуть в этом море предложений?

– Коньяк и кофе – день чудесный, – обрадовался сыщик. – Давай кофе – без него я вылитый андроид. Уже встаем?

– На работу нужно к девяти... Но минут пятнадцать можно еще понежиться... Ты не забудешь дорогу к этому дому?

– Не забуду, – пообещал Максимов. – Как стемнеет, забегу еще на чашечку.

Уходили вместе. Недоспавшая Надежда побежала на работу, а Максимов задержался. Не застегивая куртку, сделал кружок по двору, подергал дверь в запертую дворницкую. Снова неспокойно на душе, совесть заработала. Выкурив сигарету, он прыжками взлетел на третий этаж и позвонил в 49-ю квартиру.

По лицу открывшей Нины Михайловны было ясно, что отпрыск не пожаловал. Осунулась, как покойница, движения вялые, глаза пустые. Сухая невыразительная мумия без признаков пола и прочих привлекательностей. Вряд ли в таком состоянии она ходит на работу.

– Константин Андреевич? – Слова давались ей с невероятным трудом. – Спасибо, что не забыли. Нет, не пришел еще наш Гриша... Вы что-нибудь делаете, Константин Андреевич?

– Работаем, Нина Михайловна, делаем все возможное.

– А вы знаете, я Алексею... это отец Гриши... еще ни о чем не рассказывала. У него, помимо камней в мочеточниках, очень слабое сердце. Пойду сегодня в больницу, даже не знаю, как буду в глаза смотреть...

– Не говорите ни о чем, Нина Михайловна, постарайтесь, – участливо тронул ее за плечо Максимов. – Возможно, скоро мы узнаем, что случилось с вашим сыном.

– Постараюсь... – Она подняла глаза и, натянуто улыбнувшись, заметила: – У вас красивая помада, Константин Андреевич... На рубашке... Какой пользуетесь: «Лореаль», «Буржуа», «Кларте»?

Он густо покраснел и тоже выдавил из себя улыбку. Кривовато, но по-доброму. Некогда стоять. Бежать надо. Работать. Раз уж взялся за гуж...

Максимов опять возвышался потеряннным маяком посреди двора, не замечая, как просыпается дом, как хлопают двери подъездов, выпуская спешащих на работу жильцов – кого к станкам, кого в офисы... Он не видел, как подозрительно косились на него люди. Не замечал хлюпающей массы под ногами. Перед глазами носились балконы, карнизы, оконные рамы – у кого-то старые, с облупленной краской, заткнутые на зиму ветошью, у кого-то современные, сияющие, от «ведущих производителей». Ноги машинально потащили к водосточной трубе. Опять за трубой осточертевшие глухие стены, чрево выходящей в переулок подворотни. Все осталось по-прежнему, кроме слякоти под ногами, которая внезапно стала явью и начала досаждать. Он должен попытаться понять все с самого начала. Что мы видим и что происходит в реальности? Что такое реальность? Может, Олежке Лохматову позвонить?

Он не заметил, как из переулка в подворотню въехала кремовая «Лада», чумазая, как поросенок. Раздался рассерженный сигнал, и Максимов тут же очнулся. Павел Николаевич с аврала прибыли. Пришлось посторониться, шагнуть вправо, за бордюр. Прямо как Гриша позавчерашним вечером... Машина проехала, а сыщик поднял голову, чтобы отыскать глазами пожарную лестницу – ведь, как ни крути, нет иного выхода с этого двора.

Он потерял равновесие, сделал шаг и, ощутив под собой металлическую неровность, опустил глаза. Под ногой лежала крышка канализационного колодца, обнажившаяся вследствие таяния снега...

Нет иного выхода со двора?

У кого тут проблемы с горводоканалом?

Мысли прыгали в голове, отталкивались друг от дружки. Он нагнулся, попытался сдвинуть крышку, но только испачкался и содрал ноготь. Злость росла и звала на свершения. Максимов широким шагом направился к дворницкой, забарабанил в дверь. Стоять и ждать, пока похмельный товарищ соизволит очнуться и впустить в «апартаменты»? Он не мог себе такого

позволить. Ясности хотелось – сразу и полной. А если и ошибся... ну, что ж, на ошибках учатся. Он вынес дверь эффектным «энергетическим» пинком, приведя в восторг прыщавого мальчишку, выходящего из второго подъезда, вломился внутрь и захлопнул ее за собой. Работничек мычал, пытаясь оторваться от кровати и негодуя, что кто-то позволил растревожить его сон. Максимов сгреб его пятерней, швырнул к окну. Ну и вонь от «фигуранта»! Не обращая внимания на мольбы, стенания, злой, как барракуда, снова сцапал, приподнял над полом.

– Не надо, не надо, я ничего не знаю!.. – защищался дворник, но хлесткую затрещину все же пропустил. Взвизгнул по-бабьи, засучил ножонками.

– Еще ты дремлешь, друг прелестный? – ядовито осведомился Максимов. Рывком вздернул пьяницу и прижал к стене. – Так, приятель, сейчас я буду брызгать кипящей слюной и колотить тебя башкой о стену. Но этим наш суровый сюжет не ограничится. Это только затравка. Ты будешь висеть вниз головой в колодце и извиваться, как червяк. Тренировка скелетно-мышечного аппарата, понимаешь? Догадываешься, о каком колодце речь? А будешь отпираться – вообще убью. Итак, вопрос из простейших – что происходило позавчера вечером? – Он занес кулак ради пушей остратки.

Махровый ужас на «родовом проклятии» при словах о колодце подтвердил самые страшные догадки. День открытых колодцев – милости просим!

– Я расскажу... – обреченно забубнил дворник. – Все расскажу, не бей... Не виноват я ни в чем!..

Максимов зашвырнул мелкого пакостника на диван и скрестил руки на груди. В вине работника почитаемой профессии можно не сомневаться. В 16.30 позавчера (ну, плюс-минус какие-то минуты) прибежала дворничиха из соседнего двора – баба Клава – и поставила в известность: звонили из ЖЭУ (слово такое матерное из трех букв) с распоряжением – открыть окрестные колодцы, приедут люди, будут искать участок с повреждением. Это еще ничего – пару раз из МЧС приезжали, вот когда напрячься-то пришлось. Делать нечего: выудил Евдоким из кладовки ветхое ограждение с табличкой «Осторожно, открытая канализация!», поволок его за угол к колодцу. Сдвинул в сторону крышку, поставил барьер. В этот миг и повалил из темнеющего неба густой снег. Сообразив, что одного заграждения как бы маловато, дворник поплелся искать второе. Было в кладовке, точно помнит. Но не срослось по ряду причин... Поскользнулся на крыльце, плюхнулся – враз всю память отшибло. Ввалился к себе, хлебнул водочки за первый снежок, и совсем разладилось в голове. Случается с ним. Принялся скрести напротив дворничихой – не спотыкаться же всю зиму. Малец с пакетом объявился, пошутил по случаю. А дальше никакого вранья, гражданин начальник! Стукнулся на углу с жиличкой из четвертого подъезда, сгинул за угол, потом машина въехала... А минут десять спустя прибежала бабка Клава, пожурила за нарушение инструкции (почему колодец должным образом не огорожен?) и сообщила, что прорыв фекалий локализован в соседнем дворе, можно закрывать. Евдоким и закрыл. Загородку обратно в кладовку унес. А потом, когда мать пропавшего по двору носилась, шевельнулась трепетная, трусливая мыслишка: а не без участия ли распахнутого колодца пропал пацан? Страх мгновенно подкосил, скулы заклинило – не смог рассказать Савицкой, как было дело. Но парень он вообще-то законопослушный, всегда готов помочь господам из правоохранительных органов...

Приходилось признать, что ситуация сложилась уникальная. Шел себе пацан. В полумгле дыру почти не видно, ограждение на обратной стороне люка тоже не совсем просматривается. Не явись злополучная машина, из-за которой подвыпившему парню пришлось ступить на бордюр, ничего бы не случилось. В этот роковой миг Надежда уже отвернулась, а двигатель проезжающей машины перекрыл крик падающего...

Потом пришел дворник, задвинул крышку. Крышку засыпал снег, заодно со следами Гриши.

Чего только в жизни не бывает!

Пару дополнительных оплеух дворник заслужил сполна (и пару лет на поселении). На рукоприкладство в это утро Максимов не скупился. Бил и распался. Сорок часов от парня не было вестей. Не живут так долго в канализации... Сплюнув сквозь зубы, он отвернулся:

– Видеть тебя больше не могу, сволочь пьяная! Один твой вид вызывает тошноту и припадки. Одевайтесь, подсудимый, берите лом, фонарь – вскрывайте колодец...

Слава богу, во дворе настало затишье. Работающие с девяти уже разбрелись, остальные еще не проснулись. Максимов пинками прогнал скулящего дворника через чавкающее месиво. Ломик срывался, трясущийся от страха и зверского похмелья работник обливался слезами. Совместными усилиями отодвинули крышку. Обнажился узкий кирпичный створ, ржавые скобы, вмурованные в кладку, красный скомканный пакет из супермаркета «Четыре звездочки», насаженный на штырь арматуры...

Последнее весомое подтверждение. Евдоким завыл от отчаяния, признал пакетик. А с сыщика вместе с потом схлынула вся злость – опустошение охватило. Боль под черепом стартовала – задергало виски, тошнота подвалила к горлу. («Фаршануть бы сейчас», – сказала бы Маринка.)

– Спекся ты, приятель, – пробормотал Максимов, глядя в темноту. – Под статью попал конкретную.

– Что же делать-то, господи?! – завыл, взывая к небесам, Евдоким.

– Помощь оказывать посильную – какой еще с тебя прок? Держи фонарь, свети вниз.

Но как ни всматривался он в канализационную шахту, Гриша не проявлялся. Свет от фонаря пробивал четыре метра плесневелого кирпича и поглощался мраком.

– Нет там никого, – заискивал дворник.

– Не надейся даже... – Максимов машинально глянул на часы. Начало десятого. Форменная дурь – спускаться в технические колодцы, для этого соответствующие службы имеются. А он такой опрятный, чистый, весь в шоколаде. Нельзя ему туда. Много чего в жизни нельзя: водку пить без закуски, патрон оставлять в патроннике, в море выходить по понедельникам. Но ведь оставляют, выходят, пьют! А вдруг живой там Гриша? Всякое в жизни бывает. А значит, дорога каждая минута.

Максимов сел на корточки, вытянул ногу, зафиксировал ее на крайней скобе, проверил на устойчивость следующую.

– Звони в полицию, чего лупаешь! – заорал он на растерянного работничка. – И в «Спас» звони! И ограждение не забудь поставить – не дай бог, еще кто-нибудь упадет! – Третья скоба ощутимо пошатывалась. Веселенькое дельце. И куда его понесло? – Ты еще здесь? – продолжал он рычать. – Фонарь дай сюда, дебил, и пошел вон!..

– Я понял, понял... – попятился Евдоким.

– А будешь тормозить – сделаюсь твоим пластическим хирургом. – Максимов потянул за собой несуразный ржавый фонарь, похожий на старинный чугунный утюг. – Уж больно форму носа твоего исправить хочется...

На восьмой скобе он начал сожалеть о своей полезной инициативе. Окружность створа уплывала, сливаясь с уходящим небом, чуткий нос улавливал подозрительную вонь, сгущающуюся по мере спуска. Нечасто приходилось спускаться в подземелья. Боязнь подземного мира? Как это по-научному? У Олежки надо бы спросить. Странные мысли роились в голове. О чертях и прочих подземных народцах. О всепоглощающих фекальных водах, наполняющих канализацию и уносящихся в неизвестном направлении. Запах сероводорода – тоже штука не из приятных. Неожиданно кирпичная бездна оборвалась, и он ощупал рукой скользкий бугристый бетон, изъеденный трещинами. Где-то слышал, что железобетонные трубы канализации имеют свойство «испаряться» – бетон вступает в реакцию с сероводородом (его полно в стоках) и разрушается, выделяя пары серной кислоты. Была труба – осталась штольня. То ли дело в

Италии – там до сих пор действует водопровод, сработанный рабами Рима из гранита! Современной России об этом только мечтать. Впрочем, в городе-спутнике Бердске сто лет исправно функционировал участок канализации, сооруженный еще при царе купцом Гороховым – трубы чугунные, стыки заварены свинцом. И работал бы еще лет двести, не развороти его похмельные строители скоростной автомагистрали...

За двадцатой скобой Максимов нащупал носком шершавый бетонный пол. Бездыханный Гриша почему-то отсутствовал. От дневного света остался мутный кружок над головой. Дышать практически нечем – гнилостная вонь уплотнялась, голова трещала, как печка. Главный сточный коллектор в стороне, и то утешение. Но антураж не самый изысканный – узкая квадратная полость высотой в половину человеческого роста, мерный гул, исходящий от продолговатых дырчатых штуковин, царство труб всевозможного профиля и конфигурации. Грязные глубокие ниши под ногами, кирпич осыпается, бетон в провалах. Суший ад...

Луч от фонаря осветил зеленоватый пол, выбоины в стыках плит. На месте предположительного падения Гриши Савицкого – отсутствие всякой органики. Ни крови, ни мозговой жидкости. Выходит, падал не головой и не умер от падения. Это радует...

Куда же подевался Гриша? Максимов не хотел удаляться далеко от люка. Пусть работают специалисты. Но врожденное любопытство тянуло осмотреться. Выйти на поверхность и свесить ножки? Втайне радуясь, что явился во вторник на работу не в самой парадной форме, он присел на корточки и принялся переживать ощущения упавшего. От удара мальчишка, безусловно, теряет сознание. Возможны травмы, переломы, множественные ушибы. Спасает то, что парень под хмельком. Приходит в себя от жуткой боли, голова разламывается на куски. Темень лютая – лежишь и гадаешь, то ли ослеп, то ли просто темно. Вонь непередаваемая, трубы в стекловате, обмотанные жалающей проволокой, противный писк в нишах... Ощущения – не передать! Мог и не вспомнить, что такое с ним приключилось. Выпал из реальности, очнулся в преисподней. Что он делал, придя в себя? Пытался встать, набил шишку на голове? Упал, тыкался носом в зловонные ниши, как слепой котенок? Куда-то дернулся? Отполз подальше и тихо помер?

А в целом Грише несказанно повезло. Один мужик поссорился с женой и, будучи изрядно взвинченным, решил разделаться с собой. Взял и прыгнул сгоряча в аналогичный колодец и прямым ходом угодил в коллектор диаметром под три метра! Подхватили самоубийцу нечистоты и поволокли по канализационным трубам. Тащили километра четыре до насосной станции, прибили к решетке для фильтрации мусора. Тамошние работники обалдели – кого им только не приносили сточные воды: живность, утопленников, трупы по частям... Но чтобы живого!.. А тот действительно дышал – видно, трубы были наполнены не полностью, не захлебнулся. Отвезли страдальца в больницу, там он и скончался через три дня от отека головного мозга...

– Гриша?.. – неуверенно позвал Максимов.

Что-то пискнуло в непосредственной близости. Прошелестели лапки. Максимов осмелел и крикнул:

– Гриша!

Здравый смысл подсказывал – далеко мальчишка уползти не мог. Не крыса. Возможно, где-то еще теплится, забился в закуток под горячую трубу, тихо плавает между тем и этим светом. Он опустил на колени, принял почти лежачее положение, зашарил фонарем по хаотичному переплетению трубных разводов, выступов, простенков. В сумрачной нише пробежало что-то лохматое, волоча брюхом по земле, и ввалилось в невидимую щель. Какими, интересно, деликатесами эти твари здесь кормятся, если их так разносит? Несчастливцами вроде Гриши?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.